



На открытии памятника герою поэмы «Москва—Путушки» — к 10-летию смерти Венидикта Ерофеева.

Александр Щуплов

НОВЫЕ времена — новые песни. Под новую выпивку. С новыми тостами и рассказами. В поэме «Москва—Путушки» Венидикт Ерофеев запечатлел эпоху совковых алконавтов, пришедшую на семидесятые. Время внесло свои коррективы. Новый спрос родил новые предложения. Появились новые средства обогрева, новые рецепты, новые поводы, новые тосты... Появилась новая терминология, обозначающая процесс. Наше эссе посвящено памяти Венички Ерофеева и раскрывает все ту же неуывающую в российском буль-буль-социуме тему.

Человек — это звучит горько! Веничка Ерофеев не любил Горького и любил Северянина. Горький — это Челкаш, сквозь штаны которого проглядывает пролетарское происхождение. Северянин — это «ананасы в шампанском». Последнее имеет прямое отношение к тому процессу, которому подвергает себя любой гомо сапиенс, дабы активизировать сознание (то же самое — алкашнуть, вздрогнуть, вмазать, высвистать баночку, дербаллизнуть, засыпать в горло сорок градусов, слазить в бутылку, изменить жизнь в лучшую сторону, наехать на портвейш, понести градус в массы, останапиться, оприходовать бутылек, полирнуть, устроить заплыв от портвейна до водки, уточнить ситуацию — нужное подчеркнуть!).

— Абсолют налейкум! — Налейкум абсолют! Это конструктивного диалога висит в немеркнущих российских небесах над каждым, кто не желает закатывать свою молодость в банку с компотом. Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты. Будет ли это внушительный фаустпатрон с портвайн-геноссе. Или «Сабонис», от которого рискуешь проснуться в лучезарном помещении с номерком на ноге и единственным желанием — самоидентифицироваться, сиречь освоить профессию опохометолога. Или батл со стереотипной рассыпушкой-пучеглазкой свергнет ваш организм в сумятицу весенних чувств, и потянет вас в Парк культуры имени Отдыха — этот рашен Баблсити, в безнравственных аллеях которого хочется затеряться и пропасть. Или некий «Ромуальдыч» (производство — какое-нибудь Брюссельпо) увлажнит вашу гортань, поперхнувшую слезой при декламации Абсент Экзюпери. А то индийский алко-литературный триумвират «Рубин»-«Гранат»-«Кагор» навевает вам («напоминают мне оне» и т.д.) воспоминание о сексапильной комбинаторике «Северного сияния» (испытанный коктейль из спирташки и шампанского).

А если вы уже стали эстетом? И перспектива ахнуть стакашку с «Чернобуркой» (денатурат плюс пиво и политура) вам глубоко параллельна? И вся рислингвистика, уместившаяся в термине «Борис Федорович» (особый рецепт клея БФ) сжимает ваше все еще кредитоспособное сердце? И променяли вы божественный огнетушитель с «Гвоздодером» или «Пучеглазкой» на «Королевский ерш» (лысое пиво плюс одеколон)? И амбивалентное приветствие: «Здравствуй, лошадь! Я — Буденный!» перестали принимать за дружеское приглашение в ближнюю пивточку МТС («Между Баром и Сортиром» — бывший пивзал подле московского кинотеатра «Комсомолец»), дабы потерпеть фетяску с друзьями — такими же безворковыми пиплами с малой родиной в Перхушково? И воспоминание о «Пионерской водке» (зубная паста, разведенная в колодезной воде, — ах, наши ночные будни в пионерлагерях!) заменили южным вайном «Тянитолкай»? И самогон — этот свет-

ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРЬКО!

16 мая 1985 года был принят указ Президиума Верховного Совета СССР об усилении борьбы с пьянством, а 11 мая 1990 года умер Венидикт Ерофеев

лый праздник, который всегда с тобой, даже если ты завязал, — не убил вашего желания чмокнуть «Лидку» из солнечной Комсомолдавии в обе щеки?

Или вы рискнули найти альтернативу веничкиной «Слезе комсомолки» и «Ханаанскому бальзаму»? И стал этой альтернативой какой-нибудь исторический коктейль «Александр Третий» (одеколон — «Саша» плюс «Тройной»). Ведь не снисходить же до кокетливого коктейля «Два пшика» (пиво, заправленное аэрозолем: перед употреблением взбалтывать!). Впрочем, не забудем и про бормотуху, инвестированную в темнозеленую лузыртуру. Она, она, родная, воскрешает в памяти забытый лозунг «Отвешим на красный террор белой горячкой!». Мы рискуем прослыть снобами, если не отполируем традиционный сушняк «Выви-глаз» апологетическим «Клопчатником» (он же — «Трижды герой Советского Союза»). Хотя прав был покойный поэт Михаил Дудин, написавший: быть или не быть? Денатурировать или неденатурировать?.. Чу! Неведомый парфюм готов предвидеть исполнение вашего вечернего желания — нанести удар по водочке. И вот уже «аршин», налитый под завяз, а то и с горочкой, прильнул к вашим заждавшимся устам под одобрительно-завистливый шепот олигофрена Вити: «Не мни стакан!» И сладостное желание растекается по всему вашему телу: напиться! Напиться в трубу! Напиться в дулет! Напиться в дым (в стельку, в сиську, в лоскуты, вдрызг, в ноль, в пыль, в тополиный пух, в дрезину, до поросычьего визга, до потери пульса, до горизонтального положения — и ноги бантиком — нужное подчеркнуть!).

Нажор — он и в Африке нажор. И вот уже на подходе к дому к тебе протягивает бледные длани какой-то бормоглотик (алик, звездочет коньячных этикеток, парень из деревни Водкино, алконавт, спиртсмен-любитель,

спиртохлеб, хроник, водкоед — нужное подчеркнуть!) с глазами набок и предлагает отведать тринадцать булей «Бурого медведя» (удивительный шампусик вкупе с коньяком «Юбилейный»). Но и он кажется тебе парфюмом производства Тетюшанской фабрики имени апрельских тезисов, каким-нибудь нервнопаралитическим дихлофосом, чреватым асфальтовой болезнью. Никакой «ерш» не радует твое истомившееся сердце. Никакого желания нет в твоих членах — взять поллитру на бордаж. Сексуальный дискомфорт. Молния на трузерах расходится с твоим жизненным кредо. Голова квадратная. В мозгах — какое-то кумысопитие. В душе — палата номер шесть. Трубы горят. Печень рассыпается на атомы. В желудке бесится колтушек... Все «бухлянки», «ерофеичи», «керосины», «телогрейки» и «выпиванто» летают вокруг тебя, словно миры — по императивному утверждению Мармонтеля — вращаются вокруг своих Творцов. Так и происходит твоя жизнь — от буха до буха.

Кто мы? Откуда мы? Куда мы? Страна внутреннего сгорания! Черномырдия — переходящая через Чумазию — в Чубляндию. И обратно! Сокров, одной ногой переступивший в постсовок. Сплошная Веникобритания с думскими тундрюками и ментозаврами на винтокрылых мусоршмитах, ужратиками: уккусницы невеселые, хлебососки — в помаде с Рижского рынка, ценники — сопливые...

Человек — это звучит горько! Это постигает любой сокот от младенческого периода до альтернативной зрелости, едва все тело начинает сесть местами общего пользования, а лоб закономерно переходит в затылок. Позади — этапы большого пути: 2-87, 3-62, 4-12, 5-30, 9-20, 10 и т.д. Впереди — счастливая старость с напитками в два кефирных градуса.

...Далее — пахать по безотвалке. С точностью до наоборот! ■



Воспоминание о Венидикте Ерофееве. Фото Петра Кассина (НГ-фото)